

Кьяра Мastroяни:

“В СССР папа возил с собой чемодан с едой”

Отцы и дети

— Ваши первые зрительские впечатления?

— “Бэмби”. Но никогда не могла досмотреть его до конца, всегда убегала из зала в слезах. Позже — “Бал вампиров”. Детям его смотреть воспрещалось, и маме пришлось уговаривать билетершу, чтобы она меня пропустила. Я обожаю хоррор-фильмы, в детстве пересмотрела все знаменитые ужастики.

— Даже “Голод” с участием вашей матери?

— Нет, мама не хотела, чтобы я видела ее в роли вампириши, и “Голод” я посмотрела много позже. И “Отвращение” тоже. Конечно, я понимаю маму, но я прекрасно отдавала себе отчет, что мама на экране и мама в реальной жизни — два совершенно разных существа. Кстати, мои родители никогда не привлекали меня на экране. Я была влюблена в Ингрид Бергман, Анну Маньяни, Кэтрин Хэпберн и Софию Лорен. Я обожаю старые черно-белые фильмы. До сих пор толком не могу посмотреть “Шербурские зонтики”. Каждый раз, когда их показывают по ТВ, я смотрю начало, начинаю реветь и выключаю телевизор.

— Вам всегда хотелось быть актрисой?

— Право же, не помню. Все получилось как-то спонтанно. Впрочем, моя подруга недавно сказала мне, что когда умер Трюффо, я ей сказала — жаль, что не смогу у него сняться. Сама я этого не помню, но, значит, я давно уже мечтала сниматься по-настоящему.

— А не по-настоящему?

— Я постоянно ездила с родителями на съемки и, разумеется, время от времени попадала в кадр. Помню фильм Лелуша “За нас двоих”. Когда Жак Дюотрок выходит из тюрьмы, ему на шею бросается девочка в капюшоне. Я не видела фильма и не знаю, осталась ли эта сцена, но девочку изображала я. Мне было ужасно обидно, что нужно надевать капюшон: меня в нем совсем не видно! Чуть позже я снялась у Феллини в “Городе женщин”. Феллини построил на студии “Чинечитта” огромные декорации на открытом воздухе, как для карнавала, мне казалось, что я попала в волшебную сказку. Феллини снимал сцену, когда папа проходит по поезду, а маленькие девочки строят ему рожицы. Феллини сказал мне: “Кьяра, можешь к ним присоединиться!” Но он был очень строг в вопросах морали и не мог допустить, чтобы дочка показывала язык отцу, поэтому в этой сцене сменил папу в кадре — его все равно снимали со спины! Много лет спустя, когда фильм показывали по ТВ, я узнала, что эту сцену вырезали при монтаже. А я так надеялась иметь в своей фильмографии фильм Феллини!

— Вы не испытывали неловкости на съемочной площадке?

— Для меня это было совершенно естественно, даже банально. Я не понимала, что актеры всегда окружены особой заботой и привилегиями. Мне казалось, что так и должно быть: актер приезжает вместе с семьей, кошками, собаками, в то время как оператор не может позволить себе такой роскоши. На съемках “Города женщин”

На последнем Каннском фестивале Кьяра Мastroяни и ее мать Катрин Денев представляли последний фильм Марчелло Мastroяни “Путешествие к началу вселенной”. Разумеется, журналисты спрашивали Кьяру М. не столько о ней самой, сколько об отце. Впрочем, молодая актриса отвечала далеко не на все вопросы. “ЭС” предлагает наиболее интересные “избранные места” из ее каннских бесед.

костюмерша даже шила платица для моих кукол! Когда мама снималась в фильме “Я вас люблю”, мы с ней поехали на Корсику, я познакомилась с Сержем Гейнсбуром и Делардые, которого я называла “Туттифрутти” и восхищалась его татуировками. Съёмочный павильон я считала большой площадкой для игр. Тем более, что почти никогда не видела фильмов, которые снимались в моем присутствии: они не предназначались для детей.

— Первый фильм, в котором вас можно толком рассмотреть, — “Очи черные” Никиты Михалкова.

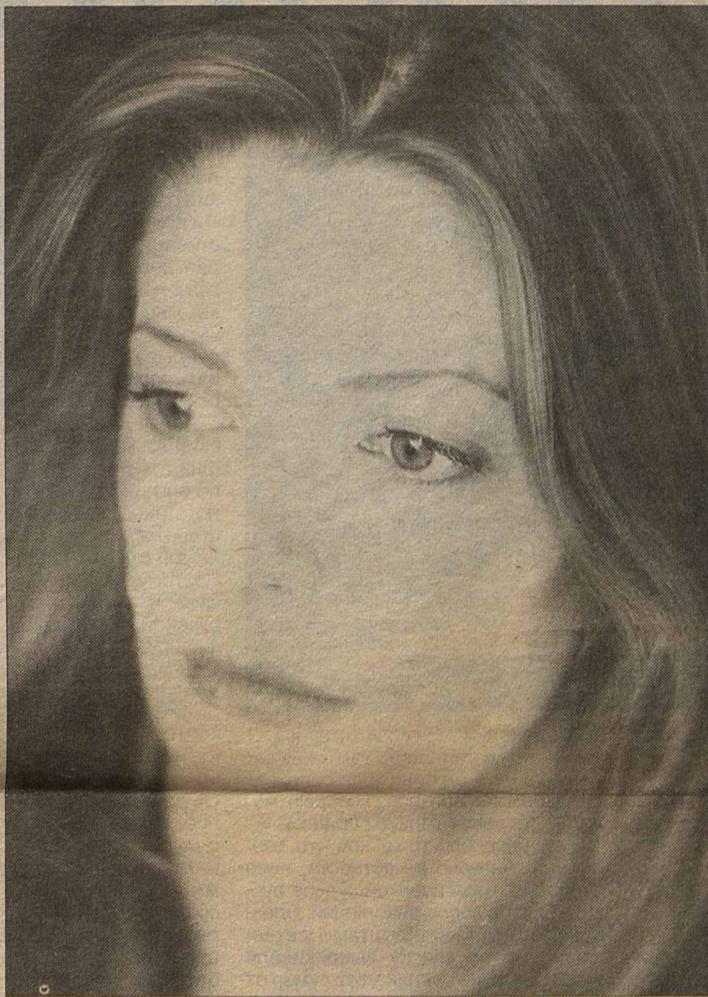
— Да, я читала там стихи по поводу приезда моего отца. Поскольку Михалков не знал французского, стихи пришлось сочинять нам самим. Мне очень хотелось сыграть в этом фильме хоть маленькую роль, мы так упрашивали Михалкова, и в конце концов он согласился. Я провела на съемках всего три недели, потому что в то время жила с мамой в Париже и приехала к папе на каникулы. Фильм снимался в жуткой дыре, в российской глубинке, причем это было еще до Горбачева! Сегодня даже страшно вспоминать. Накануне моего отъезда, когда мы были в аэропорту, папа попросил меня принести ему один из чемоданов и сказал, что там находятся очень важные и нужные ему вещи. Меня остановил таможенник и попросил открыть чемодан. Знаете, что там оказалось? Батон колбасы, ветчина, консервированные помидоры, оливки! В СССР папа всегда возил с собой чемодан с едой и любимую подушку!

— Вы понимали в детстве, что являетесь дочерью знаменитых людей?

— Я была слишком маленькой, чтобы это осознавать. Конечно, я смутно чувствовала, что мои родители чем-то отличаются от других людей: перед камерой они ссорятся, а через минуту разговаривают, как ни в чем не бывало. Но мне трудно было сравнить, потому что и папа, и мама были актерами, а других людей я не знала так близко, как их.

— Вам трудно было сниматься в первой большой роли в фильме “Мое любимое время года” Андре Тешине?

— Меня немного страшилась мысль, что я буду играть с Даниэлем Огеем; но то, что моей основной партнершей будет мама, меня успокаива-

ло. Кстати, это не мама уговорила Андре Тешине взять меня на эту роль, а мой агент. Правда, новость о том, что меня взяли, сообщила мне мама.

— Вы ходили вместе с ней смотреть отснятый за день материал?

— Нет, я не люблю этого делать, потому что в таких случаях в основном смотришь на себя и выискиваешь недостатки. Папа посоветовал мне не ходить на такие просмотры. Впрочем, папа даже готовые фильмы со своим участием частенько не смотрел. Когда он говорил, что “Восемь с половиной” — его любимый фильм, не знаю, что он имел в виду — процесс съемок или конечный результат?

— А фильмы, в которых снялись вы, он смотрел?

— Папа почти всегда засыпал в кино и в театре. А в фильме “Мое любимое время года” я появляюсь на экране только через полчаса после начала фильма. Поэтому я сказала папе, что он может спокойно проспать первые полчаса. Но он не сомкнул глаз: чувствовал, что я за ним слежу. Честно говоря, я больше смотрела на него, чем на экран. Он не видел фильма “Не забудь, что ты должен умереть”, но я знаю, что он пошел на первый же сеанс “Дневника соблазнителья” Даниэля Дюбуа. Я послала туда одного своего приятеля, поэтому знаю, папа много смеялся во время фильма. Единственное, в чем я с ним не согласна, — он говорил, что актер не должен стесняться играть в плохих

фильмах, ибо их все равно никто не смотрит! Конечно, ему легко было говорить такое, имея за плечами “Восемь с половиной”, “Сладкую жизнь” и “Развод по-итальянски”!

— Вы никогда не брали уроков актерского мастерства?

— Нет. Немного играла в школьном театре. Моей первой ролью была Ослиная шкура! Когда мне исполнилось 15 лет, я познакомилась в лице с Мельвилем Пупо, и он стал поощрять мои актерские наклонности. Познакомившись с ним, я поняла, что нужно идти до конца в своих желаниях.

— Удалось ли вам понять что-то новое в ваших родителях, когда вы стали профессиональной актрисой?

— Да. Их эгоизм. В определенный момент актер должен полностью отрезать себя от семьи — иначе он не может работать. Нужно погрузиться в фильм с головой. Теперь я понимаю их слова о том, что во время работы по вечерам трудно возвращаться домой, что хочется хранить в душе атмосферу съемок и чувство локтя. Сниматься в кино — все равно что влюбиться: все остальное отходит на второй план. Я поняла это, только начав работать в кино профессионально.

— Вы советовались с отцом, когда начинали работать в кино?

— Мы говорили о кино, но только в общих словах. Папа очень обрадовался, когда я ему сказала, что хочу стать актрисой. Он говорил мне: “Будь естественной. Не заби-

вай себе голову всякой чепухой. Не будь претенциозной”. До того, как я решила стать актрисой, папа уверял меня, что пошел в актеры только потому, что не умел больше ничего делать. У меня, естественно, сложилось мнение, что актерская жизнь — сплошной рай для бездельников. Но когда я начала работать профессионально, он научил меня кое-чему, например, как двигаться при трэвеллинге, не глядя под ноги, как спускаться по лестнице, когда на тебя направлена камера. Но он не хотел, чтобы я постигала лицедейство с теоретической точки зрения. Так, по крайней мере, он говорил. Он рассказывал много анекдотов о кино, и позже я узнала, что этими же историями он делился с журналистами, когда у него брали интервью. Помню, он рассказывал мне, что когда ему впервые нужно было выйти на сцену, он так перепугался, что постоянно бегал в туалет. Можете представить себе мой шок, когда я прочитала интервью, в котором он говорил о том же самом с журналистами! Мне казалось, что это семейная тайна.

— А мама много рассказывала о кино?

— Нет. Она более скрытный человек. Но время от времени она говорила мне о Бунюэле, о Трюффо. Когда я была маленькой, иногда она разрешала мне спать с ней, и я видела, как она по вечерам учит текст роли на завтра. Мне очень нравилось подавать ей реплики. Как правило, мне доставались “мужские роли” — я читала текст за ее партнеров. Разумеется, я была уверена, что играю намного лучше мамы и вообще могу переигнать даже Лоуренса Оливье! Уже тогда я заметила, что у мужчин роли часто интереснее и аппетитнее, чем у женщин. Я выросла и оказалось, что не ошиблась.

— Мама замечала в вас эту радость играть?

— Нет... или, по крайней мере, делала вид, что не замечает. Она считала, я не должна становиться актрисой, потому что кино — слишком тяжелая работа для женщины. Но папа всегда меня поощрял, он говорил: у нас семья артистов, как в бродячем цирке. Он всегда смотрел на жизнь очень позитивно, и сегодня мне так не хватает его оптимизма. Он ведь пережил войну, а люди, которые видели смерть и кровь, совершенно иначе смотрят на жизнь. Наше поколение практически не имело никаких испытаний в жизни, у меня не было настоящих проблем, и папины рассказы о войне казались мне страшными сказками. Но когда я выросла, то узнала, что все рассказанное им — чистая правда.

— Не отпугивали ли вас от актерской стези сомнения вашей матери?

— Да, конечно. А поскольку я терпеть не могу споров и стычек, то в 19 лет переехала и стала жить самостоятельно. Я знала, что буду актрисой. Помню, в один прекрасный день мы с Мельвилем Пупо долго пытались придумать мне эффектный псевдоним, но потом решили — а зачем? Это мое имя. Оно принадлежит мне. В нем прочтываются корни. Утратить имя — все равно что утратить отпечатки пальцев.